

Толкование от Даниила

Словарь, составленный накануне 80-летия Даниила Гранина

«БОЖЕ, какая скука, кому они нужны, эти интервью! – откликнулся Гранин на мой голос в телефонной трубке. – Я только и мечтаю, как бы уклониться от этой юбилейщины, от этой неловкости – и за себя, и за людей, которые непременно начнут тебя преувеличивать...»

Итак, без преувеличения: Даниил Александрович Гранин – знаковая фигура петербургской культуры, один из последних столпов советской литературы, горький скептик и стойкий идеалист. Одних своих современников он раздражал и раздражает тем, что всегда «входил в обойму» и был в фаворе у власти, других – тем, что всегда был этой власти оппозиционером. Третьи (полагаю, их больше всего) читают его романы и документальные повести, восхищаются публицистикой, преклоняются перед «Блокадной книгой». На многом из того, что Гранин написал и сделал, проступают, пользуясь его собственными словами, «водяные знаки подлинности».

О чем думает человек, «читая жизнь свою», накануне 80-летия? Пренебрегая традиционными вопросами, мы приводим лишь ответы, своего рода толковый словарь основных понятий, определивших жизнь писателя – и его героев.

ЖИЗНЬ. Если попробовать ог-

лнуться на свою жизнь, что мало кто себе позволяет, начинаешь понимать, какое это было чудо. Я ушел на войну добровольцем. Первые недели в ополчении думал: мы победим, мы разгромим, я вернусь... Затем с каждым часом и месяцем войны – а провоевал я три с половиной года – нарастало удивление: я все еще жив?.. Когда война окончилась, почти никого из тех, с кем я ее начинал, не осталось. Я смотрел на свою жизнь, как на выигрыш, недосмотр Господа Бога, немислимую случайность. Потом были голодные годы, коммуналки, проработки, карточная система. Столько возможностей свихнуться, пропасть. То, что уже после войны мне была отпущена еще целая длинная жизнь, кажется невероятным. Прекрасное ощущение, оно позволяет видеть главное – волшебность существования человека.

ЛИТЕРАТУРА. Сегодня я ощущаю гораздо острее, чем прежде, что мы обществу не слишком-то нужны. Но трудно отвыкнуть от того, что задача литературы – проповедь. В современной литературе многое прекрасно сделано, есть любопытные эксперименты. Но жизнь куда трагичнее, интереснее, существенней. Хотел и хочу рассказывать о своих тупиках и узнавать о чужих, ставить перед людьми мучительные проблемы.

На днях ко мне пришел хороший знакомый, доктор наук. Сегодня, говорит, дома у меня был страшный скандал. Из-за ложки сахара. Институт, где он работает, семь месяцев не платит зарплату. Они живут на жалованье жены, 485 рублей, жена ест только булку и пьет пустой чай, потому что надо поддерживать единнадцатилетнего сына, а мой приятель задумался и положил в чай вторую ложку сахара. Она права, говорит, но так больше невозможно. Ну так брось все, говорю ему, иди куда-нибудь в грузчики. Не могу, отвечает, если я сейчас оставлю лабораторию, не смогу закончить свою работу, вся моя жизнь перечеркнута.

Эта вторая ложка сахара для меня важнее, чем все, что я читал из новейшей прозы.

ЛЮБОВЬ. Россия страшно не хватает любви. Это особенно остро ощущимо в обстановке зависти, раздражения, подозрительности. У нас очень много ненависти и очень мало любви. И совсем нет людей, которые пользовались бы любовью общенародной – таких, как Тур Хейердал в Норвегии, Жак-Ив Кусто во Франции, принцесса Диана в Англии.

Раньше в России были люди, которым поклонялись: Лев Толстой, Федор Гааз, Достоевский, за гробом которого шли тридцать

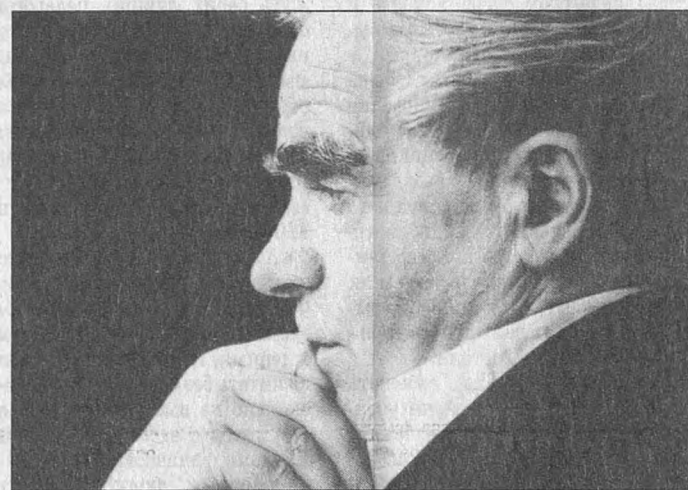
тысяч человек. Без тех, к кому тянется душа, скучно и уныла жизнь.

ОБЩЕСТВО. Мы все в нашей стране отчасти посторонние – с нами не разговаривают, не считают нужным что-либо объяснять. Просто живут за наш счет. Общества у нас нет. Есть население. Электорат.

СВОБОДА. Нынешнее состояние нашей жизни тяжелейшее (в нравственном отношении, в физическом бывало много хуже). Нищета, которая сопровождала нас и раньше, воспринималась как временная, вроде дорожных лишений. Как в поезде: ну нет кипятка, а поезд едет. Сейчас поезд остановился, и нищета воспринимается как итог.

Но люди, которые стали тосковать по «добрым старым временам», забыли, что это были за времена. Помню, как мы с поэтом Михаилом Дудиним два с половиной часа стояли в очереди за луком. Помню, пришла моя дочь и говорит: «Папа, нужны книги Дюма». – «Зачем?» – «Мяснику». Я ходил в Лавку писателей, там мне добывали из-под прилавка эти книги, Марина носила их мяснику и возвращалась с куском мяса.

Мы обрели сегодня неопценные вещи. Свободу духа и свободу слова. Свободу мысли и передвижения. Свободу творчества. За это

надо держаться и сражаться, если понадобится.

ВЛАСТЬ. Долгие годы она означала для меня враждебную неприемлемую силу. Нас часто собирал Хрущёв, и как он ни орал, как ни глумился, он нуждался в нас: власть хотела нас приручить, поставить себе на службу. Отношения с Романовым, первым секретарем ленинградского обкома партии, складывались очень тяжелые. Помню, созвали пленум по поводу моей повести «Наш комбат». Она о том, как на фронте, когда ко дню рождения Сталина нужно было взять высоту, бессмысленно гибли люди. Меня вытащили на трибуну, требовали, чтобы я покался, признал партийную критику. Я не покался и не признал. В перерыве мимо меня шли люди и, не поворачивая головы, почти что не шевеля губами, говорили: «Молодец!»

Конечно, потом многое изме-

нилось. Мне нравился Горбачёв, я работал в президентском совете Ельцина. И все же власть, в том числе нынешняя, мне малоинтересна. Надоело за ними следить. Все одинаково надоели из-за своего властолюбия. Мы поработали своей связью с государством, с властью. Это ненормально. Ничего от власти не надо ждать. Надо переходить к другому самоощущению – всего ждать только от себя. Пора присоединяться к общечеловеческому порядку жизни.

СЧАСТЬЕ. Раньше я не замечал «сегодня», больше думал насчет «завтра». Не умел ощущать прелести и ценности нынешнего дня. Можно сказать, что счастье – это обладание сиюминутностью. Ощущение красоты сиюминутной жизни. Вот этой, за несколько часов до Нового года.

Записала **Марина ТОКАРЕВА**

Общая статья - 1998-1999. - Изд. - 13 экз. - с. 3